

ПУШКИН И НАУКА ЕГО ВРЕМЕНИ

Совершенствование методов анализа и приемов исследования является актуальной проблемой во всех областях научной работы. Поэтому особый интерес представляют те труды, которые открывают новые возможности для той или другой отрасли науки, дают новый критерий для оценки тех или иных фактов и событий. Именно к таким трудам и принадлежит статья М. П. Алексеева «Пушкин и наука его времени».¹ Эта статья безусловно заинтересует не только историков русской литературы, но и более широкий круг исследователей-гуманитаров, всех тех, кто в той или иной степени занимается вопросами, имеющими отношение к истории русской культуры.

Автор приводит обширный материал, характеризующий отношение Пушкина к науке его времени. Еще Ф. М. Достоевский в речи на открытии памятника Пушкину в июне 1880 года говорил о «всемирной отзывчивости» поэта. На исключительную разносторонность Пушкина указывал и В. Я. Брюсов (см. книгу «Мой Пушкин»). Работа М. П. Алексеева, основанная на привлечении данных из области точных наук, раскрывает энциклопедическую образованность Пушкина, его неустанный интерес к самым различным отраслям человеческого знания.

Попытаемся подвести некоторые итоги статьи, представляющей значительный вклад в советское пушкиноведение, и вместе с тем выяснить общие, принципиальные методы научной аргументации автора. Значительное расширение рамок научного исследования, широкое привлечение данных развития науки для выяснения и уточнения историко-литературных проблем, предпринятое в статье, указывает новый путь для углубленных исследований в области гуманитарных наук. Правда, отдельные факты и события из смежных областей культуры иногда упоминались разными авторами ранее. Однако не случайное, а *последовательное* применение этого способа исследования составляет новаторскую сущность статьи М. П. Алексеева, научный пафос которой и состоит в разрушении искусственных перегородок и вредного самоограничения, существующих при изучении истории русской культуры и, в частности, истории русской литературы.

Помимо большого позитивного научного результата, ценность работы М. П. Алексеева заключается в том, что она наводит на мысль о назревшей, насущной необходимости создания капитальных, синтезирующих трудов по истории русской культуры. В этом отношении особый интерес вызывает восьмой раздел, в котором М. П. Алексеев справедливо жалеет о том, что «„культуроведение“ как сложный комплекс разнородных сведений, относящихся к какой-либо исторической эпохе, не имеет сколько-нибудь ясных очертаний вспомогательной исторической дисциплины» (стр. 101).

Полностью соглашаясь с данной постановкой вопроса, укажем, что не только культуроведение должно стать вспомогательной исторической дисциплиной и обрести свои границы (конечно, эти границы будут различны для различных исторических эпох), но, кроме того, необходимо создать монументальную историю русской культуры. Эта общая история русской культуры будет иметь самостоятельное значение и вместе с тем играть подсобную роль для изучения развития отдельных отраслей культуры. Предпосылки для подобного синтезирующего труда уже созданы усилиями многих поколений наших ученых-гуманитаров; особенно много сделано в этой области за 40 лет Советской власти. В последние десятилетия опубликованы капитальные труды по различным разделам истории русской культуры (так, например, десятитомная история русской литературы, изданная Академией наук СССР, работы по истории русской науки и т. д.). Черпая материалы из истории, истории науки, экономики, литературы, архитектуры, живописи, музыки, прикладных искусств и т. д., историки общей культуры будут, в свою очередь, способствовать дальнейшему обогащению каждой из этих дисциплин, связывая и соотнося их достижения с другими областями культуры.

¹ М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени (Разыскания и этюды). «Пушкин. Исследования и материалы», т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 9—125.

С этой точки зрения статья М. П. Алексеева является образцом того, как следует применять «культуроведческий» метод при изучении истории русской литературы. Пожалуй, наиболее яркий пример использования этого метода представляет анализ стихотворения Пушкина «Движение», которому посвящена большая часть третьего раздела статьи. Автор не ограничивается тем, что устанавливает эпиграмматическую направленность этого произведения Пушкина против русских шеллингианцев (в частности, против В. Ф. Одоевского, опубликовавшего в четвертой части альманаха «Мнемозина» статью «Секта идеалистико-элеатическая»), но и делает философский экскурс, в котором рассматривает эволюцию понятия движения у различных мыслителей, приводит различные трактовки этого понятия в истории мировой культуры, начиная от философских систем древней Греции и кончая разбором соответствующих формулировок из философских тетрадей В. И. Ленина. Приведенный обзор дает возможность уяснить истинную значимость этого, казалось бы на первый взгляд и не особенно приметного, произведения Пушкина, помогает определить и рассмотреть место этого небольшого стихотворения в историко-философской перспективе. В результате подробного, аргументированного анализа М. П. Алексеев приходит к вполне обоснованному и справедливому заключению, что «несмотря на свой лаконизм, „Движение“ Пушкина воспроизводит, в сущности, в характерных образах и примерах целую историю европейской науки и наиболее важные этапы ее развития от древней Греции до итальянского Возрождения, намечает будущую научную проблематику, ставит один из самых существенных вопросов гносеологии» (стр. 51).

Если внимательно проанализировать способ научной аргументации М. П. Алексеева, то условно можно выделить три основных методических приема, с помощью которых он достигает успеха в своем исследовании.

1. Привлечение обширного материала из истории русской науки и философии.

Автор ссылается на многочисленные периодические издания пушкинского времени, на эпистолярные и мемуарные свидетельства современников, на специальные труды по истории русской науки, на монографии, посвященные деятельности русских ученых. Четвертый раздел статьи, трактующий в основном взаимоотношения Пушкина с крупным ученым, изобретателем электромагнитного телеграфа в России П. Л. Шиллингом, вводит читателя в курс научных интересов Пушкина, увлекательно раскрывает перед нами еще одну малозвестную страницу из биографии великого поэта.

Анализируя пушкинский рисунок на одном из его черновиков («ШЗарц ищет филос<офского> камня»), М. П. Алексеев высказывает предположение, что Пушкин изобразил модель первого электродвигателя Б. С. Якоби, о котором сообщалось в печати уже в 1835 году.

О пристальном внимании Пушкина к научным проблемам, как справедливо замечает автор, можно судить и из факта привлечения им к сотрудничеству в «Современнике» П. Б. Козловского: «Уже в первом томе своего журнала Пушкин поместил статью Козловского „Разбор парижского математического ежегодника на 1836 год“, в третьем томе — его же статью о теории вероятностей, которая и раньше уже интересовала поэта; наконец, накануне своей гибели Пушкин заказал ему и третью статью — о паровых машинах. Выбор всех этих тем чрезвычайно характерен: верное чутье журналиста подсказывало Пушкину, что именно эти статьи должны привлечь к себе внимание» (стр. 123).

Тематика статей П. Б. Козловского свидетельствует о стремлении Пушкина привлечь внимание читателей к проблемам точных наук.¹

Данные об отношении Пушкина к П. Л. Шиллингу, Б. С. Якоби, П. Б. Козловскому в какой-то степени по-новому освещают облик поэта. Исследователи должны использовать и развить дальше начин М. П. Алексеева. Ведь, несмотря на то, что о Пушкине написано большое количество работ, в его биографии и до сего времени остаются белые пятна, остаются неисследованными или мало исследованными взаимоотношения поэта с рядом его современников. К примеру сказать, в специальной литературе очень скупо освещен вопрос о взаимоотношениях Пушкина с А. И. Тургеневым. Между тем этот вопрос имеет непосредственное отношение к проблеме «Пушкин и наука его времени». А. И. Тургенев был энциклопедически образованным человеком, который с напряженным и пристальным вниманием следил за развитием точных наук, философии, литературы, театра, словом, за всеми сторонами духовной и материальной культуры в странах Западной Европы. Его дневники, которые он вел изо дня в день, из года в год во время своих странствий по Германии, Франции, Англии, Италии и Швейцарии, пестрят многочисленными записями о различных технических достижениях и научных открытиях. Нет сомнения, что во время своих приездов в Россию А. И. Тургенев рассказывал друзьям о том, что он видел и слышал во время

¹ В этой связи хотелось бы напомнить, что интересные сведения об этом сотрудничестве пушкинского «Современника» приведены во второй главе диссертации В. В. Ерофеева «„Современник“ Пушкина в журнально-литературном движении 30-х годов XIX века» (1952), к сожалению, до сих пор неопубликованной.

своих путешествий. С большой долей вероятности можно предположить, что о многих последних достижениях западноевропейской науки Пушкин узнавал во время своих встреч с А. И. Тургеневым. Недаром, когда Пушкин стал издателем журнала «Современник», он просил их общего друга П. А. Вяземского передать А. И. Тургеневу, что он ждет его корреспонденций из Парижа для помещения в «Современнике».

2. Сопоставление фактов и событий из истории русской культуры с аналогичными явлениями из истории мировой культуры.

В этой связи следует особо отметить те места из работы М. П. Алексеева, где указывается на диаметрально противоположную трактовку вопроса о соотношении литературы и науки в эстетике французских просветителей XVIII века и в эстетических воззрениях немецких философов-идеалистов конца XVIII века. Ссылаясь на последние работы в этой области Ральфа Крама, Маржори Никольсон, Карла Грабо и других ученых, автор останавливается на трактовке этого интересного вопроса представителями западноевропейской культуры.

Приведя слова Пушкина о том, что «восторг исключает спокойствие — необходимое условие прекрасного», М. П. Алексеев справедливо заключает, что в этой формулировке Пушкин следует за французскими просветителями. Однако трудно согласиться с автором, что возникновение этого взгляда следует отнести еще к лицейским годам. Автор пишет: «Тем не менее по основному вопросу, затронутому Дельвигом в его стихотворении 1814 года, о противоположностях научного и поэтического мышления Пушкин не раз высказывался в смысле, противоположном Дельвигу, и у нас есть все основания думать, что еще в лицейские годы Пушкин сохранял самостоятельное суждение по этому поводу» (стр. 21). Обосновывая это предположение, М. П. Алексеев ссылается на рукописи и произведения Пушкина, которые датируются 1826—1828 годами. Но разве ссылкой на эти годы можно обосновывать лицейские взгляды Пушкина? Кроме того, изменения оценки Пушкиным поэзии Ломоносова, о чем пишет несколько ниже в своей статье автор, заставляет думать, что вряд ли по вопросу об отношении литературы и науки у Пушкина было одно и то же, неизменное мнение от лицейских лет до его творческой зрелости.

Не соглашаясь с некоторыми частными утверждениями, мы тем не менее считаем, что основные выводы рецензируемой статьи являются бесспорными. Попутно исследователь делает множество интересных наблюдений. Таково, например, сближение поэзии Радищева и его последователей с поэзией английских поэтов-ньютоналинцев.

3. Расшифровка историко-литературных реалий и уточнение первоначальных значений соответствующих им понятий.

Шестой раздел статьи, посвященный детальному разбору «Пиковой дамы», является прекрасным образцом историко-литературного комментария. Опровергая псевдоисторические объяснения (в частности, объяснения понятия «гальванический» в Путеводителе по Пушкину¹), М. П. Алексеев вскрывает истинное значение многих реалий, встречающихся в тексте «Пиковой дамы». Так, например, исследуется значение слова «рулетка», семантика которого претерпела в дальнейшем существенное изменение, и т. д.

Полемизируя со статьей М. Гершензона о «Пиковой даме», автор показывает, что описание спальни графини в третьей главе «Пиковой дамы» является не художественным просчетом Пушкина, а, напротив, представляет воплощение «тончайшего авторского замысла. В этом описании нет ни одной ненужной подробности, ни одного лишнего слова: они согласованы между собой до конца. Весь рассказ Томского о графине, воспламенивший воображение Германна и потому удержавшийся в его памяти во всех деталях, получает в этом месте повести свое реальное подтверждение: каждая вещь комнаты свидетельствует о том или ином событии в жизни графини... Все вещи, украшавшие спальню, свидетельствовали прежде всего о Париже XVIII века: полинялые штофные кресла с „сошедшей позолотою“, китайские обои на стенах, портреты, писанные „в Париже“ Виже Лебрен. Но этих подробностей Пушкину показалось недостаточно, и он добавил: „По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Легоу, коробочки, рулетки, вѣера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом“» (стр. 80)

М. П. Алексеев справедливо замечает, что в этом описании чувствуется «инженерный» взгляд Германна. Исследователь напоминает, что Пушкин был лично знаком с «рядом инженерных офицеров» (А. И. Дельвиг, Э. И. Губер и т. д.), черты которых и послужили Пушкину материалом для создания образа Германна. Такое раскрытие реалий дает возможность глубже вникнуть в содержание «Пиковой дамы».

Седьмой и восьмой разделы статьи посвящены сопоставлению фактов быстрого развития русского дорожного дела в 30-е годы XIX века и отражению этого процесса в творчестве Пушкина и других поэтов того времени. М. П. Алексеев внима-

¹ См.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI. Путеводитель по Пушкину, изд. «Красной нивы», М.—Л., 1931.

тельно разбирает XXXIII строфу седьмой главы «Евгения Онегина», в которой поэт пишет о грядущем русском техническом прогрессе. Говоря о первой строке («Когда (благодаря просвещению)»), М. П. Алексеев, ссылаясь на письмо Бенкендорфа министру народного просвещения от 7 февраля 1832 года, указывает, что слово «просвещение» в те годы было на подозрении у правительства, являясь иногда синонимом слова «свобода». Автор останавливается на упомянутых Пушкиным философических таблицах и разъясняет, как воспринималась в России книга автора этих таблиц Шарля Дюпена «О производительных и торговых силах Франции», приведены отрывки Н. А. Полевого и переводчика этой книги на русский язык Н. И. Розанова, которые считали особой заслугой Дюпена его агитацию за всеобщее обучение. Приведя тексты из «Московского телеграфа» о строительстве всяких мостов, а также подземной дороги, М. П. Алексеев заключает: «...картина технических усовершенствованных средств сообщения в будущей России, изображенная Пушкиным, представлялась ему вполне реальной и осуществимой и лишена каких бы то ни было утопических черт» (стр. 100).

Как пишет М. П. Алексеев, об интересе Пушкина к «дорожной теме» свидетельствует и статья М. С. Волкова в защиту устройства железных дорог в России. Эта статья была прислана для помещения в пушкинском «Современнике». Пушкин в письме к В. Ф. Одоевскому дал положительный отзыв о статье М. С. Волкова, хотя, боясь резкого неудовольствия властей (среди высших правительственных чиновников была сильная партия противников строительства железных дорог в России), не рискнул напечатать ее в журнале.

Исследователь ставит интересный вопрос «о возможности пополнения поэтической лексики из создававшегося в те же годы фонда русской научной или технической терминологии» (стр. 103). Он приводит разнообразный по своему охвату материал из дневников, писем, журнальных статей, а также стихотворений поэтов Е. А. Баратынского, А. И. Полежаева, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки, Н. М. Языкова, Н. П. Огарева и др. Из обозрения этого материала видно, что русская поэзия, наравне с журналистикой и эпистолярным жанром, быстро и охотно осваивала технические термины. Не ограничиваясь данными русской поэзии, М. П. Алексеев привлекает для сопоставления соответствующие материалы из западноевропейской поэзии. Ссылаясь на работы Эллиота М. Гранта, Ральфа Крама и Ф. Фробениуса, автор приходит к выводу, «что русская поэзия скорее и легче откликнулась на разнообразные явления технического прогресса, укоренявшиеся в быту 20—30-х годов; XXXIII строфа седьмой главы „Евгения Онегина“, с бодрым и уверенным тоном ее технических предвидений, не имея сколько-нибудь значительных аналогий в западноевропейской поэзии тех же лет, не оставалась вовсе одинокой в русской литературе» (стр. 104).

Изучение вопроса об отражении технического прогресса в литературе наглядно показывает, что рассмотренные нами три основных методических приема лишь условно отделены друг от друга. В статье М. П. Алексеева они часто применяются совместно в общем ходе исследования.

Конечно, применение «культуроведческого» метода требует широкой эрудиции автора; разносторонность интересов М. П. Алексеева выступает особенно отчетливо в этой его статье.

Помимо общего методического значения, новая работа М. П. Алексеева представляет большой интерес для всестороннего освещения творческого облика Пушкина. Если ранее стремление Пушкина «в просвещении стать с веком наравне» трактовалось ограничительно (имелись в виду лишь гуманитарные науки), то теперь, после разысканий М. П. Алексеева, следует считать, что Пушкин в этом известном афористическом стихе подразумевал и точные науки, полагая знакомство с ними необходимым для каждого образованного человека своего времени. В доказательство этой точки зрения автор приводит большое количество аргументов: гипотеза о знании Пушкиным геометрической теории Лобачевского, всесторонняя оценка научных заслуг Ломоносова, интерес к астрономии, встречи с П. Л. Шиллингом, следы знакомства Пушкина с рядом научных проблем своего времени в произведениях поэта и т. д. Пушкин не только хотел, но и действительно стал в просвещении «с веком наравне».

Исследование М. П. Алексеева по-новому раскрывает облик Пушкина, пушкинское понимание просвещения, неудержимую тягу поэта к самым различным отраслям человеческого знания,— это исследование имеет большое значение с точки зрения познавательной, научно-методической и воспитательной.

